

УДК 811.35

ББК 81-3

P-83

Рудь Елена Евгеньевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации института управления бизнеса и права г. Ростова-на-Дону, e-mail: kachina09@mail.ru.

НАСКОЛЬКО ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЕВ РУССКИЙ ЯЗЫК?

(рецензирована)

Статья дает представление об исследованиях звукоизобразительной лексики русского языка в дихотомическом аспекте. Звукоизобразительная лексика является объектом изучения сравнительно молодой науки фоносемантики, что предопределяет актуальность данного исследования. Автор приводит пример собственного исследования и делает соответствующие выводы о звукоизобразительном характере русского языка.

Ключевые слова: *звукоподражания, звукосимволические слова, синестезия, звукокомплексы, гипервариативность, буквальная сфера деятельности.*

Rud Elena Evgenyevna, senior lecturer of the Department of Foreign Languages and Inter-cultural Communication of the Institute of business management and law of Rostov-on-Don, e-mail: kachina09@mail.ru.

HOW SOUND EXPRESSIVE IS RUSSIAN LANGUAGE?

(reviewed)

The article gives an idea of the researches of sound graphic lexicon of Russian in dichotomizing aspect.

The sound graphic lexicon is the object of studying of relatively young science of phonosemantics that predetermines the relevance of this research. The author gives an example of his own research and draws the corresponding conclusions about sound graphic character of Russian.

Keywords: *onomatopoeias, sound symbolical words, sound complexes, hyper variability, field of activity.*

ЗИ лексика русского языка является объектом исследования многих научных изысканий. Она, как правило, представлена звукоподражаниями и звукосимволизмами. Глаголоударная гипотеза В.А. Головина основывалась на предположении о первичных элементах языка, которыми считались звукоподражания различным видам удара [1].

Современные исследования показывают, что семантика удара является определяющей в становлении языковой системы. Поскольку звук символизировал творящее божество, вполне вероятно, что значение «человек» соотносится со значением «звук». В антропоморфной модели Вселенной понятие «человек» соотносится со значением «мокрый», «жидкость, влага», поскольку в архаическом сознании по «жилам» земля вода течет так же, как кровь по венам человека. На уровне регулярных фоносемантических языков русских инстантов это выражено в этимологическом сближении понятий удар-вода-человек. Например: болтус (диал.) «врун, болтун», оболтус «невежа» – болтаться (диал.) «с шумом барахтаться, плескаться (в воде, реке)»; клюкала (арг.) «пьяница» – ключевина (диал.) «сырое

место в лесу»; копыто (арг.) «глупый человек» – копанка (диал.) «плохая вода из колодца» [2, с. 159].

Голос человека, животного, музыкального инструмента является существенной приметой «этого» мира, а мир «иной» отмечен печатью беззвучья. (Например: славянские заговоры, в которых болезни изгоняют туда, где не кричат петухи, не блеют овцы, не поют девушки). Во время похорон и поминок их участники общаются друг с другом шепотом (без голоса). С помощью голоса (звука) оказывается возможным оградить культурное пространство от проникновения враждебных сил (заговоры, обереги) [3]. Таким образом выстраивается параллель звук (жизнь) – человек, которая реализуется в регулярных циклах русских инстантов: балаболить (разг.) «молоть вздор», балалайка «музыкальный инструмент» – балабызиха (диал.) «говорун, краснобай»; бацать (арг.) «играть на каком-либо музыкальном инструменте» – бацур (диал.) «невежа».

В славянской мифологии понятие «человек» связывали с понятием «горшок» (домашняя утварь). Посуде приписывали семантику рождения и смерти. Связь с человеком проявляется и на уровне названий частей горшка (горло, ручка, носик). Связь между понятием «человек – домашняя утварь – горе, смерть, неприятность, потусторонний мир, рождение» присутствует в регулярных фоносемантических циклах русских инстантов: баламутный (диал.) «человек вздорный» – балакирь (диал.) «кувшин, кринка» – балльник (диал.) «колдун», балмош (диал.) «сумасбродство», баламутить (диал.) «поселять раздор».

Способность ЗИ комплексов развивать большое количество значений обусловлена природой звукоподражательного слова. Формальная «первобытность» ономастов в значительной мере делает их универсальными категориями в постижении мира, т.к. их «примитивность» восходит к общечеловеческим процессам и явлениям.

Исследования, связанные с фоносемантической этимологией, позволяют установить, что ономасты (и особенно звукоименные слова), развивающие множество значений, вплоть до самых абстрактных, обладают высокой словообразовательной продуктивностью и отличаются широкой сферой бытования. Значения многих инстантов восходят к древнейшим обрядам и метафорам, которые отражены в фоносемантических моделях концепта Вселенной и закреплены в языке помимо воли и сознания человека [2, с. 160]. Русский материал исследования ЗП подсистемы подтверждает гипотезу о первичности суггестивной (вербально-императивной) функции, которая позднее сменяется коммуникативно-информационной функцией.

Е.И. Колосова исследовав глаголы, выделенные в подгруппу звукоподражательных, отмечает, что они имеют не только типичные для всех глаголов причины возникновения и длительного существования грамматической синонимии форм, но также и индивидуальные. К специфическим чертам она отнесла: 1) позднее появление самих глаголов, 2) образование двойных форм «сразу» при появлении глагола, 3) четкую стилистическую либо семантическую дифференциацию параллельных форм, в отдельных случаях происходит утрата одного из показателей [4].

ЗП лексика широко используется в русской художественной литературе (особенно детской), а также в русском фольклоре (сказках, загадках, пословицах, прибаутках и т.п.) ЗП слова также активно употребляются носителями русского языка и в сфере непринужденного личного общения. Большое значение также имеют ономасты и другие ЗП элементы для газетно-публицистического стиля и для рекламных текстов.

У любого носителя языка фоносемантическое значение формируется на базе уже

имеющихся в мозгу нейрофизиологических паттернов, включающих сенсорные и моторные характеристики. Это свидетельствует о наличии определенных психофизиологических механизмов соотношения звука и смысла, имеющих место в любом языке. Другое дело, что оболочки слов в разных языках не могут быть одинаковы, поскольку и интра-, и экстралингвистические факторы, влияющие на функционирование конкретной языковой системы, не могут полностью совпадать [5].

В настоящее время изучение звукоподражательной подсистемы (ономатопеи) в разных языках продолжается очень активно, так как подобные «слова» (морфемы, звукокомплексы) существуют в любом языке. Что касается русского, то обширного, устойчивого его описания с данной точки зрения, удовлетворяющего всем параметрам классификации, разработанной С.В. Ворониным [6], еще не создано, но существуют более или менее успешные попытки [7]. Основу же звукосимволической подсистемы составляют такие слова, в которых происходит передача «речевым звуком образа, ощущения, движения, впечатления обозначаемого предмета» [7, с. 53], поэтому их исследование невозможно без четкого понимания объекта изучения и его природы.

С течением времени становилось очевидным, что в основе ЗС лежат всё же единые для всех языков психофизиологические законы. Это позволяет говорить о наличии универсальных свойств, присущих этой ассоциативной связи.

У ЗС каждого языка есть, безусловно, своя национальная специфика, которая связана с языковым опытом его носителей. Это означает, что при оценке звуковой стороны, например, русского поэтического текста у представителей другого языка возникнут ассоциации, воспитанные системой их родного языка, а также присущими данной языковой общности культурными и социальными традициями. По мнению Н.П. Пинежаниновой и Н.А. Любимовой, адекватность восприятия в этом случае может быть достигнута только путем обучения, поскольку то, чем носитель русского языка владеет интуитивно, носитель другого языка должен освоить осознанно [8, с. 76]. Однако большая часть информации со звукового уровня текста «считывается» подсознательно или бессознательно. Поэтому, проблематично говорить о сознательном усвоении принципов этого процесса.

Признание существования феномена, но отсутствие четкого и однозначного понимания синестезии в мировой психологии, культурологии, психолингвистике, тем не менее, позволяет говорить о ней как о своеобразной психофизиологической универсалии, лежащей в основе ЗС как универсалии звуковой [9, с. 33].

Многие авторы говорят о ведущем цвете в творчестве поэтов, запрограммированном на фоносемантическом уровне, опираясь на звуко-цветовые представления, как разновидности звукосимволизма, что напрямую связано с явлением синестезии [10, с. 237].

На протяжении многих десятилетий психолингвисты, в том числе и те, кто занимается проблемой звукоизобразительности, часто пользовались понятием синестезии для обоснования возможности существования незвуковых соответствий звуковым (лингвистическим) комплексам. При этом под «синестезией» понимается феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфическое для данного органа чувств, сопровождается другим ощущением или образом, часто характерным для другого органа чувств, например, «цветной слух».

Явление синестезии – ассоциации между различными органами чувств – относится не только к связи между звуком и цветом. Ощущение таких качеств, как светлое-темное, мягкое-

твердое, высокое-низкое, холодное-теплое, легкое-тяжелое и др. носит интермодальный характер. При этом идентичные качества разных модальностей сенсорно не ощущаются, а возникает субъективное экспрессивное личностное впечатление сходства при одновременном восприятии сенсорных различий данных модальностей. Идея о связи между звуками и различными участками ладони на первый взгляд кажется имеющей чисто знаковое содержание. Однако это не так. Зона коры головного мозга, отвечающая за сигналы, поступающие от кистей рук, занимает непропорционально большую часть двигательной зоны коры. Кроме того, из теории и практики китайской акупунктуры известно, что на ладонях рук действительно имеются «слуховые точки». Так что возможно говорить о формировании условно-рефлекторной связи между слуховыми и осязательными ощущениями.

Исследователь Шин Дэй, обследовав несколько сотен синестетиков, попытался классифицировать типы синестезии в зависимости от их «раритетности». Согласно «шкале Дэя», наиболее распространено цветовое восприятие букв и цифр – 69% обследованных. Цветовое восприятие промежутков времени – 24%. Цветная речь – 14%, цветные звуки – 13%. Звуки музыки вызывают цветовые всполохи у 12% синестетиков, причем 9% из них видят окрашенные в различные оттенки отдельные музыкальные ноты. Болевые ощущения ассоциируются с цветами в 3,4% случаев. Запахи и вкусовые ощущения воспринимают как цвет по 3% синестетиков, столько же видят «цветовые портреты» своих собеседников. Всего лишь 2% воспринимают звук как вкус, звук как чувство прикосновения, зрительный образ как вкус. Прикосновение вызывает вкусовые ощущения лишь у 1% «сенсорно одаренных». И уж совсем немногие – 0,6% и менее – воспринимают звук или прикосновение как запах, температуру воздуха как изменение цвета, вкус как прикосновение, или же вид предметов вызывает у них чувство прикосновения. То есть поле деятельности синестезии обширно.

До сих пор нет единого мнения в том, чем же является синестезия по природе и каков ее механизм. Противоречия по данному вопросу существуют по причине того, что феномен синестезии как объект изучения междисциплинарен, его предметная область находится на стыке наук. Например, феномен вербальной синестезии затрагивается не только психологией, эстетикой, литературоведением, но и, например, философской антропологией, лингвистикой, семиотикой. Вербальная синестезия имеет дело с таким сложным материалом, как слово.

Слово действует как знак огромной семиотической системы языка. Одновременно слово является эмоциональной реакцией на внешнее воздействие, поэтому в нем всегда значителен экспрессивный пласт. Последнее особенно важно для создания и восприятия эстетического вербального пространства. Так, возможно искусство слова, в котором благодаря развитию звукообразных средств и стилистических приемов слово всегда полифункционально и потенциально обладает большим диапазоном смысла.

В таком случае встает вопрос о том, насколько автор может владеть языком и адекватно выражать желаемое в слове. Ясно, что язык дан нам в своей готовой форме, в своих уже сложившихся структурах, кроме того, человек не знает никакой другой формы рационального выражения мысли помимо языка. К слову здесь вспомнить о современных психоаналитических теориях, напрямую связывающих язык не только с сознанием, но и с бессознательным. По мнению Ж. Лакана, наше бессознательное структурировано аналогично тексту, точнее, и бессознательное, и язык являются выражением определенных структур нашей психики, одинаковых для всех. Лакан отождествил структуру подсознания со структурой языка, более того, он утверждает, что

«бессознательное является целостной структурой языка» [11, с. 29]. Вот почему, например, организация любого языка определяется некоторыми общими для всех правилами.

Типологической особенностью флективных языков, в частности русского, считаются морфологизованные альтернативы корневым морфем, их полиморфизм и отсутствие параллелизма между формой и функцией. А. Шлейхер считал важнейшей типологической особенностью флективных языков выражение отношений в самом корне путем его модификации, вследствие чего в модифицируемом корне выражение «значения», под которым А. Шлейхер понимал лексическое значение, сливается с выражением «отношения», т.е. грамматического значения. Одновременно происходит глубокое слияние корня с «приставками» – аффиксами [12, с. 20].

Таким образом, язык антиномичен по своей сути, поскольку, с одной стороны, представляет, как уже говорилось, некую готовую структурированную организацию, правила которой человек изменить самостоятельно не может (хотя бы потому, что не будет понят и адекватно воспринят); но, с другой стороны, элемент личного, уникального художника внести в язык все же удается.

Если проанализировать творчество мастеров слова, можно обнаружить стратегию «срединной линии» в отношении к языку. Такая тактика ведет, к гармонии формы и содержания, смысла произведения и его звучания.

Как внешний процесс, как реакция, слово есть, прежде всего, звук, даже если речь идет о слове написанном. Когда мы читаем, мы озвучиваем слова и слышим их внутренне, чтение всегда сопровождается скрытой артикуляцией – именно поэтому реципиент улавливает малейшие оттенки звучания, звукообразную игру при чтении [13, с. 87].

Так встает немаловажный вопрос о соотношении звука и значения. Насколько звук произносимого (или читаемого, видимого) слова соответствует его смыслу?

Для Якобсона проблема звука и смысла слова была главной среди разрабатываемых им тем. Ученый пришел к выводу, что со звучанием слова рождается его смысл, поэтому малейшие изменения в звучании приносят новые оттенки смысла.

А.П. Журавлев в своей книге «Звук и смысл» описал формулу вычисления фонетической значимости слова. При этом коэффициент для первого звука он вычислял по формуле в четыре раза больше, чем коэффициент для любого звука, отдавая предпочтение первым звукам слова. Он также вычислил частотность русских звукобукв в речи и распределил их по 25 признакам: хороший-плохой, светлый-тёмный и т.д. [14].

Используя экспериментальные данные, полученные А.П. Журавлевым, а также учитывая тот факт, что все фоносемантические измерения имеют не абсолютный, а вероятный характер, Фатыхова Л.Т. в своих исследованиях использовала звуковую значимость имен собственных.

Немаловажное значение для фонетики имени, как она утверждает, имеют согласные звуки. Услышав звуки «р», «ш», «н», «д», «г», которые входят в состав исследуемых имен собственных, информанты ассоциировали их с признаками «большой», «сильный», «храбрый». С артикуляционной точки зрения губно-губные и заднеязычные согласные характеризуются как низкие звуки, что придает именам, в состав которых они входят, более тусклое звучание, нежели те имена, которые состоят большей частью из согласных губно-зубных и переднеязычных [15, с. 251].

Основываясь на критериях ЗИ слов, разработанные С.В. Ворониным [6, с. 142-150] и А.Б. Михалевым [16, с. 24-26] были обозначены ЗИ слова русского языка [17]. Слово

«блюдо», например, является 1) экспрессивным, т.к. это выразительное по свойству слово «большая тарелка» и эмоциональным, т.к. обозначает предмет, вызывающий у окружающих положительные чувства – «подать на блюде», «вкусное блюдо». 2) Слово характерна образность семантики – «она любит, чтобы ей всё преподносили на блюде». 3) Конкретность семантики – «Положи фрукты на блюдо!» 4) Критерий отсутствует. 5) Слово употребляется в ограниченной морфологической структуре – только как существительное, не изменяется по родам. 6), 7) и 8) критерии отсутствуют. 9) Фонетическая гипервариативность представлена в виде наличия трёх лабиальных звуков /б/, /у/, /о/. Слово представляет собой объектную референцию буккальной сферы деятельности и относится к группе ЗИ лексики как звуко-символическое.

Слово «взбалтывать» является 1) экспрессивным, т.к. это яркое по свойству слово, обозначающее действие, которое не может быть не замеченным, и которое сопровождается определенными звуками. 2) Слово характерна образность семантики – «взболтнуть лишнего». 3) Слово характерна конкретность семантики – «взбалтывать препараты». 4), 5) и 6) критерии отсутствуют. 7) Наличие трех первых звонких согласных /в/, /з/ и /б/ говорит о фонетической гипераномальности. 8) Наличие двух открытых гласных низкого подъема свидетельствуют об относительном единообразии формы. 9) Фонетическая гипервариативность представлена чередованием /ба/ и /ва/, где звуки /б/ и /в/ различны по месту образования. Слово представляет собой мануальную сферу деятельности и относится к ЗИ лексики как звукоподражательное.

Слово «выгиб» является 1) экспрессивным, т.к. это яркое по внешнему виду слово, обозначающее предмет изогнутой «неправильной» формы. 2) Критерий отсутствует. 3) Слово характерна конкретность семантики – «выгиб шеи». 4), 5), 6) и 7) критерии отсутствуют. 8) Наличие только звонких согласных свидетельствуют об относительном единообразии формы. 9) Фонетическая гипервариативность представлена протетическим согласным /в/, чередованием среднего и переднего гласных /ы/ и /и/, чередованием губного согласного /в/ с язычным /г/ и далее с губным /б/. Слово представляет собой качественный референт буккальной сферы деятельности и относится к ЗИ лексики как звуко-символическое.

Так были отобраны все ЗИ слова из толкового словаря русского языка С.И. Ожегова [18]. В словаре из 72500 слов было найдено 349 звукоизобразительных слов. Их общий объем в лексике русского языка составил – 0,48%. При отборе ЗИ слов не учитывались однокоренные и производные слова. Поэтому общее количество лексических единиц русского языка можно сократить вдвое. Тогда и процент ЗИ лексики соответственно увеличится вдвое – 0,96%. Таким образом, ЗИ система русского языка составляет около 1% (0,96%) общего объема словаря, что дает возможность говорить о русском языке как о звукоизобразительном.

Литература:

1. Белякова Г.С. Славянская мифология. М., 1995. 239 с.
2. Ващекина Т.В. Связь между звучанием и значением при анализе корневых альтернатив в русском языке // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 20-21.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982. 243 с.
4. Головин В.А. К проблеме возникновения элементов языка в антропогенезе //

Вопросы антропологии. 1961. №8.

5. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974. 152 с.
6. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.
7. Колосова Е.И. Грамматическая синонимия у звукоподражательных глаголов // Русская и сопоставительная филология. Исследования молодых ученых. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 72-77.
8. Комина Э.В. Вербальная синестезия // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2006. №2. С. 83-96.
9. Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996. 76 с.
10. Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Краснодар, 1995. 26 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. 944 с.
12. Прокофьева Л.П. Индивидуальное и универсальное в цветовой символике звука (На основе фоносемантического и психолингвистического анализа поэтического текста) // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2003. №3. С. 33-41.
13. Прокофьева Л.П. Лингвоцветовая картина мира Александра Блока // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 237-238.
14. Рудь Е.Е. Звукоизобразительность в русском языке [Электронный ресурс] // Сотрудничество без границ: сб. науч. ст. конф. Донецк: изд-во ДФ ИУБиП, 2009.
15. Шадрина И.Н. Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода (экспериментальное исследование на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2001.
16. Шляхова С.С. Фоносемантическая вселенная // Известия Уральского государственного университета. 2006. №41. С. 152-163.
17. Шляхова С.С. Дребезги языка. Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004. 226 с.
18. Фатыхова Л.Т. Фоносемантическая содержательность имени собственного: сопоставительный аспект // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 250-253.

References:

1. Belyakova G.S. *Slavic mythology*. M, 1995. 239 p.
2. Vashchekina T.V. *Connection between sounding and meaning in the analysis of root alternations in Russian // Russian and comparative philology: state and prospects: International scientific conference devoted to 200 anniversary of the Kazan university*. Kazan: KSU Publishing house, 2004. P. 20-21.
3. Voronin S. V. *Bases of phonosemantics*. L., 1982. 243 p.
4. Golovin V. A. *To the problem of emergence of language elements in anthropogenesis // Questions of anthropology*. 1961. No. 8.
5. Zhuravlev A.P. *Phonetic meaning*. L., 1974. 152 p.
6. Ilyin I.P. *Postmodernism. Dictionary of terms*. M, 2001.
7. Kolosova E.I. *Grammatical synonymy of onomatopoeic verbs // Russian and comparative philology. Researches of young scientists*. Kazan: KSU, 2004. P. 72-77.

8. Komina E.V. *Verbal sinestesy* // *Bulletin of Moscow university. Series 7. Philosophy.* 2006. No. 2. P. 83-96.
9. Lyubimova N. A., Pinezhaninova N. P., Somova E.G. *A sound metaphor in the poetic text.* SPb., 1996. p. 76.
10. Mikhalev A.B. *Theory of a phonosemantic field: abstr. of diss....* Dr. of Philology. Krasnodar, 1995. 26 p.
11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Explanatory Russian dictionary. 4 ed., M., 1997. 944 p.*
12. Prokofieva L.P. *Individual and universal in color symbolic of a sound (On the basis of the phonosemantic and psycholinguistic analysis of the poetic text)* // *Philol. Bulletin of Rostov state un-ty.* 2003. No. 3. P. 33-41.
13. Prokofieva L.P. *Lingvo-color picture of the world of Alexander Blok//Russian and comparative philology: state and prospects: materials of the International scientific conference devoted to 200 anniversary of the Kazan university.* Kazan: KSU Publishing house, 2004. P. 237-238.
14. Rud E.E. *Sound expressiveness in Russian* // *Cooperation without Borders: coll. of scientific articles of the conference.* Donetsk: DF IUBL, 2009.
15. Shadrina I.N. *Phonosemantic dominant as a structure-forming component of a target text (a pilot study on the materials of the Russian and English languages): abstr. diss. ...Cand. of Philology.* Gorno-Altai, 2001.
16. Shlyakhova S. S. *Fonosemantics of the Universe* // *News of the Ural state university.* 2006. No. 41. P. 152-163.
17. Shlyakhova S. S. *Smithereens of a language.* *Dictionary of the Russian phonosemantic anomalies.* Perm, 2004. 226 p.
18. Fatykhova L.T. *Phonosemantic contents of a proper name: comparative aspect* // *Russian and comparative philology: linguistic and cultural aspect.* Kazan: KSU, 2004. P. 250-253.